

КОНОВАЛОВА Н.И.

г.Екатеринбург, Россия

sakralist@mail.ru

81*01

DOI 10.26170/ufv20-02-23

КРЕАТИВНЫЙ СИНКРЕТИЗМ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ УГРОЗЫ И ЗАДАБРИВАНИЯ В САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье анализируются тексты архаической народной культуры (заговоры, заклинания, заклички), которые рассматриваются в совокупности культурных кодов сакральной коммуникации, не ограниченной вербальной составляющей. Выявляется специфика речевых жанров угрозы и задабривания, которые в рамках анализируемых текстов, воплощающих условный комплекс реального и воображаемого, демонстрируют существующие в народном сознании стратегии взаимодействия с нереальным миром. Анализ позволяет говорить о «креативном синкретизме» приемов создания суггестивного эффекта описываемых культурных текстов. Они имеют одинаковую структуру и общие пресуппозиции при разных интенциях участников сакральной коммуникации и наборах языковых средств. Определена структура суггестивного ментального сценария текстов, которая соотносится с особенностями мифологического мышления.

Ключевые слова: сакральный текст, речевой жанр, ментальный сценарий, креативные техники.

KONOVALOVA NADEZHDA

Ekaterinburg, Russia

CREATIVE SYNCRETISM OF SPEECH GENRES THREATS AND APPEASEMENT IN SACRED TEXTS OF TRADITIONAL FOLK CULTURE

Abstract. The article analyzes the texts of archaic folk culture (spells, incantations, incantations, divination), which are considered as a set of cultural codes of sacred communication, not limited to verbal components. Explores the nature of speech genres of threat and appeasement which, in the analyzed texts that embody a conditional set of real and imaginary, show existing in the popular mind the strategy of interaction with the unreal

world. The analysis allows us to speak of a "creative syncretism" of techniques for creating a suggestive effect of the described cultural texts, which have the same structure, common presuppositions and a set of language tools for different intentions. The structure of the suggestive mental scenario of texts, which correlates with the features of mythological thinking, is determined.

Keywords: sacred text, speech genre, mental scenario, creative techniques.

Актуальность исследования сакральных текстов¹ традиционной народной культуры не вызывает сомнения: в современной гуманитаристике возрастает интерес как к традиционной народной культуре в целом, так и к отдельным магико-ритуальным практикам, используемым в сакральной коммуникации (см., например, этнолингвистические исследования: С.Б. Адоньева, А.К. Бабурин, Е.Л. Березович, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая и др.).

Особое внимание уделяется процессам реконструкции на основе «реликтов прошлого ... целостной традиционной картины мира» [СД, т.1: 5], десаκραлизации и новой мифологизации, соотношению сакрального и профанного как в современном социокультурном контексте, так и в истории русской лингвокультуры².

В данной статье мы обратимся к одному из значимых аспектов исследования феномена сакрального – анализу существующих в народном сознании стратегий взаимодействия с нереальным миром. Продемонстрируем их на примере речевых жанров угрозы и задабривания, наиболее «востребованных» в разных

¹ Сакральный текст традиционной народной культуры рассматривается нами в широком плане как «произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания» [Коновалова 2007: 12].

² См., например, наблюдения относительно креативности соединения сакрального и профанного в древнерусском тексте: [Бекасова 2015, 2020], междисциплинарности феномена сакрального [Шкуран 2019].

сакральных текстах традиционной народной культуры: заговорах, заклинаниях, календарной обрядности, магико-ритуальных практиках народной медицины.

На первый взгляд, угроза и задабривание – психологические оппозиты (термин А.А. Залевской) по признакам «добро – зло», ср.: «Угроза – запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло, неприятность» [ТСРЯ 2007: 1036] и «Задабривание – действие по глаголу задабривать (задобрить) – расположить (кого, что) в свою пользу (подарками, услугами, лаской, предупредительным обращением)» [ТСРЯ 2007: 247]. Такая семантическая оппозиция отмечается как типичная, в частности, для заговорной традиции: «В мотивах и речевой стилистике славянских заговоров можно обнаружить две прямо противоположные тенденции, отражающие тип поведения человека по отношению к вредоносным силам: умиловительное задабривание или агрессивная враждебность» [Виноградова 2005: 425]. Однако сема 'обещание' в дефиниции *угрозы*, во-первых, предполагает возможность необязательности совершения вредоносного действия, например, при выполнении адресатом какого-либо условия; во-вторых, имплицитно эта семантика представлена и в структуре значения лексемы *задабривание* (получить чье-либо расположение можно с помощью обещаний). Импликатуры «*добиваться намеченной цели посулами, обещаниями, обозначая условия, необходимые для достижения результата*» выводимы из обоих членов оппозиции, что и становится основой креативного синкретизма исследуемых речевых жанров.

Методологически значимым для исследования психологической реальности элементов сакральной коммуникации (характера их представленности в сознании носителей языка) является понятие ассоциативного потенциала слова, который «может быть представлен в виде всей совокупности формально-смысловых ассоциаций, присущих слову как единице языка и индивидуального сознания говорящих и определяющих возможность его разнообразной интерпретации в конкретном акте порождения, употребления, восприятия» [Гридина 2006: 12]. Такой подход является весьма продуктивным применительно к

интерпретации сакрального текста, не ограниченного рамками вербальной составляющей: актуальность для участников сакральной коммуникации имеют не только ядерные компоненты значения произносимого вербального текста, но и закрепленные в них этнокультурные коннотации, фоновые знания, социально значимые пресуппозиции. Кроме того, существенными для понимания семантики сакрального текста являются невербальные коды трансляции представлений о неких архетипических ситуациях, воспроизводимых в обрядах, сопровождающих произнесение текста, поэтому в ассоциативное поле слова включаются ассоциаты символического (мифосимволического) характера, связанные не только с ключевыми словами текста, но и с ритуальными действиями, атрибутами, элементами хронотопа.

Понятие «речевой жанр» определяется по-разному в зависимости от парадигмы исследования. В данной работе, выполненной в этнопсихолингвистическом ключе [Бубнова ... 2017], принимается определение речевого жанра как «.. реализации ментального сценария определенного типа. Специфика организации и функционирования различных речевых жанров служит основой для реконструкции когнитивных структур» [Трипольская 2017: 309]. Речевые жанры угрозы и задабривания относятся к воздействующим (суггестивным) и в традиционной народной культуре выполняют регулирующую и защитную функции³.

Структуры суггестивных ментальных сценариев обоих речевых жанров сходны и включают следующие компоненты: а) интенция субъекта (исполнителя и участников); б) объект (-ы) воздействия: реальный (непосредственный адресат, участвующий в ритуале) и ирреальный (условные «помощники» или «вредители», которые обозначены в тексте и к которым апеллирует исполнитель); в) представления о традиционных приемах воздействия, выражающиеся в отборе соответствующих «регламенту»

³ См.: угроза «употребляется в бытовых и обрядовых ситуациях с целью <...> предупредить нежелательные действия и их последствия, добиться соблюдения нормативных предписаний и запретов, противодействовать нечистой силе, болезням, стихиям и т.п.» [СД, Т.5: 353].

речевых формул; г) знание правил и / или условий исполнения сакрального текста.

Уже в самой структуре сценария мы видим синкретизм реального и ирреального, что вполне соотносится с особенностями мифологического мышления, согласно которому творимый участниками сакральной коммуникации миф «... всегда и обязательно есть реальность, конкретность, жизненность и для мысли – полная и абсолютная необходимость, нефантастичность, нефиктивность. <...> Он не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определенной структуру и есть логически, т.е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще» [Лосев 1991: 25].

Формально-содержательное наполнение структурных элементов ментального сценария демонстрирует креативный синкретизм, казалось бы, противоположных речевых жанров угрозы и задабривания в рамках «общения» (имитации общения) с потусторонними силами.

Оба речевых жанра имеют одну прагматическую задачу: достичь положительного исхода планируемого действия – получить хороший урожай, вылечить «скотинушку», помочь роженице, излечить «от дурного глаза», снять порчу и т.д. «Инструмент» достижения цели также общий: в реальной жизни (здесь и сейчас) используются сакральные ресурсы ирреальной действительности, например, взаимодействие со сверхъестественными силами. Однако интенции исполнителей разные: в одном случае – угрозы – отправитель текста стремится бранью и устрашениями испугать объект воздействия, заставив выполнить некие действия, в другом, в случае задабривания, с помощью лести, даров, реальных или обещаемых, посулов отправитель стремится либо нейтрализовать злые силы, либо привлечь на свою сторону адресата сакральной коммуникации.

Основа такого сценария базируется на пресуппозиции веры в существование высших сил (вредителей или помощников), которые способны оказывать влияние на ход событий, поэтому сакральная коммуникация с их участием должна быть строго регламентированной. См., например, представления о полевике:

«Полевик – житный дед – живет в поле весной да летом во время всхода, роста и созревания хлебов. С началом жатвы приходится старому бегать от серпа да прятаться в недожатых колосистых волнах. В последнем дожатом снопе – последний и приют его. Поэтому-то на это сноп и смотрят люди с особым почетом: или наряжают его да с песнями несут в деревню, или – благословясь – переносят в житницу, где хранят до нового сева, чтобы, засеяв вытрясенные из него зерна, умилоствитив покровителя полей, дав ему возродиться в новых всходах. Не умилоствитивши – немало он может напроказить в поле. Задобренный же, он станет всячески оберегать ниву» [Коринфский 1901: 33]. Практически вся основная часть корпуса текстов-обращений к полевiku представляет собой стратегию задабривания.

Другой пример демонстрирует стратегию угрозы: *«Смерть, ты Кровавая Смерть! Выходи из нашего села, из закутья, из двора! В нашем селе ходит Власий святой с ладаном, со свечой, со горячей золой, мы тебя огнем сожжем, кочергой загребем, помелом заметем и попелом забьем! Не ходи в наше село, чур наших коровушек, чур наших буренушек, рыжих, лысых, беловымых, криворогих, однорогих!»* [Коринфский 1901: 149].

Такого рода регламент взаимодействия с потусторонней силой обусловлен «... коммуникативными особенностями сакральных текстов, <...> отправитель этих текстов, т.е. лицо, произносящее заговор, не является и не считает себя автором текста и даже его настоящим исполнителем (так же, как “знахарь” не считает себя автором сопровождающего текст магического действия). Знахарь, шептун хорошо осознает свою роль заместительную, посредническую роль между неким высшим божеством или потусторонней силой и свои пациентом, с одной стороны, и тем злом, которой он изгоняет, с другой» [Голстая 2015: 346]

Стереотипными являются этнокультурные представления об объекте (-ах) воздействия. Это могут быть:

во-первых, олицетворенные силы зла – болезни: *недуги, золотухи, исполох, переполох, болезнь всякая, мука мученическая,*

причина глазливая, рожжа ветряная, водяная, глазная, головная, застудная, ломовая, красная, огненная, пухлая ..., руда жильная, грыжа белая, желтая, зеленая, грудная, паховая, моховая, подветренная, подъязычная, подъяичная, ушная, становая ..., тоска, сухота, чирей, чирей Василей, собачья пропасть, родимка-злодейка, ревунюшки-плакунюшки;

во-вторых, демонологические персонажи: *шутуха-бутуха полуночица, денная полуденница, щекотка, крикса-моракса, бес ночной, бес проклятый, дьявольский нечистый дух, врагисупостаты, сатанинские дети, черт с чертовкой и др.;*

в-третьих, растения, животные, птицы, явления природы: *скрипун-трава, дурман-трава, пупыш-трава, ведьмино зелье, чертов корень // медведь клыкастый широколапый, волк, гад-змея, гадюки гладуши, черный ворон, сова Заозерская //огонь жгучий палючий, пень березовый, серый мрак, тьма крошечная, столб соляной.*

Представления о традиционных приемах воздействия выражаются в отборе соответствующих «регламенту» речевых формул. Так, одной из базовых стратегией взаимодействия с *ночицами* является задабривание с помощью ласковых обращений: *госпожа полуночица, ноченька-полуноченька, полуночица-владечица* и т.п., при взаимодействии с домовым чаще всего используются приемы табуирования и эвфемизации: *ненаш, сам, хозяин, дедушко, суседко, постен, жировик, доможир, батанушко, другая половина, лизун, нежить* (в русских говорах отмечается более трехсот номинаций такого рода).

Семантика угрозы чаще всего в сакральных текстах выражается императивами с указанием места и/или времени выполнения магико-ритуальных действий. Но более «мягкий», неконфликтный вариант представлен инфинитивами с отрицанием, когда «временная обобщенность приобретает в контексте значение «вневременности» [Шаповалова 2013: 20]:

Красна красушина, золота золотушина, скатися с бела тела раба Божья (имя). Тут тебе не бывать, тут тебе не жить, а бывать тебе по болотам, по гнилым колодам, по сухим сукам, по мышинным норам [д. Захаровка, Камышл.]; Не ходит золот-

никам по хороmine, не искать раба Божия (имярек), грызти им грызь чёрну, грызти пёстру, грызти рябу [с.Смолино, Талиц.].

В последнем случае отрицание возможности производить зловердные действия «компенсируется» предложением осуществить другие действия, направленные на уничтожение самой злой силы: *грызь* = грыжа, а выбор колоративов *чёрная*, *пестрая* и *рябая* отражает стереотипные представления о символике цвета в русской лингвокультуре (все эти три цвета обладают отрицательными коннотациями, особенно *пестрая* и *рябая* с символикой неопределенности и, следовательно, опасности для человека).

Задабривание, как правило, сопровождается обещаниями со стороны исполнителя сакрального текста тоже что-то со своей стороны сделать для того, к кому (чему) обращена просьба. Например,

«в поморье перед возвращением рыбаков домой бабы целым селением отправляются к морю молить ветер, чтоб не серчал и давал бы льготу дорогим летникам. Для этого они предварительно молятся крестам, моют котлы, бьют поленом флюгер, чтобы тянул поветерье, вспоминают и считают ровно двадцать семь (3 x 9) плешивых знакомых и затем выкрикивают: «Восток да обедник, пора потянуть! Запад да шалоник, пора покидать! Тридевять плешей, все сосчитанные, пересчитанные, востокова плешь наперед пошла. Востоку да обеднику каши наварю и блинов напеку, а западу шалонику спину оголю, у востока да обедника жена хороша, а у запада шалоника жена померла» [Забьлин 1880: 392].

Здесь вербальной просьбе предшествует строго регламентированный алгоритм мифоритуальных действий, в том числе с использованием магии числовой семантики (целый ряд сакральных чисел – *три*, *девять*, *двадцать семь*) и символической партиципации (*плешь* – как отсутствие сверхъестественной силы, следовательно, ничто не может помешать возвращению); задабривание одного и посулы в его адрес (восточного ветра) сочетаются с угрозой его противоположности (западному ветру).

Креативный синкретизм жанров угрозы и задабривания проявляется разным образом: текст может начинаться с задабривания, а заканчиваться угрозами или наоборот. Одну из наиболее интересных техник креативного синкретизма задабривания и угрозы представляют тексты, которые можно назвать «квазиугрозами» и «квазизадабриваниями»⁴. Например, в обряде опахивания во время повальных эпидемий:

«Смерть, смерть, выйди вон из нашего села, из всякого двора; нас идет девять девок, девять баб, девять маленьких ребят; три солдатки, три вдовы, три замужние жены» [Торэн 1996: 222].

Этот текст представляет собой квазиугрозу, если оценивать «силу» женщин и детей, правда, подкрепляемая сакральной символикой нумеративов *три* и *девять*.

Ср. принятый в практике народной медицины способ лечения «глазного ячменя»: *«Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то и купишь: купи топорок, руби себя поперек»* [Торэн 1996: 398] – квазизадабривание: обещание «подарить ничто» завершается «ласковой» угрозой.

И, наконец, задабривание через посулы и обещания даров, но в неопределенном пространстве и времени⁵:

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, помолюся и поклонюся двум зорям, двум сестрам. Утренняя зоря Дарья, вечерняя зоря Марья, говорю я вам, уговариваю: а возьмите-ко вы у меня всю кашлету и удушье, а снесите-ко ее за океан-море. За океан-морем вас ждут-пождут, все примут. Там для вас напечено и наварено [Асб.].

Естественно, что речевой жанр угрозы ориентирован на более «жесткую» коммуникацию, предполагающую «давление на

⁴ Ср. в этой связи наблюдения относительно «псевдоположительной оценки как средства выражения шутиливой иронии в жанре прикола» [Гридина 2014: 37].

⁵ См. исследования хронотопа нереального, «построения собственной реальности <где> могут реализовываться самые радужные надежды и самые страшные опасения человека» [Герасименко 2013: 16].

адресата», хотя и с той же целью (исполнение желания), что в случае задабривания.

Анализ речевых жанров угрозы и задабривания в сакральных текстах традиционной народной культуры позволяет выявить психологическую реальность существующих в народном сознании представлений о взаимодействии с нереальным миром. Широкий «репертуар» стратегий такого взаимодействия демонстрирует креативный синкретизм речевых жанров сакральной коммуникации.

Структура суггестивного ментального сценария сакральных текстов соотносится с особенностями мифологического мышления, естественным образом соединяющего в один условный комплекс реальное и воображаемое

Литература

Бекасова Е.Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте // Уральский филологический вестник – Екатеринбург, 2020. – №. 2. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 29: Материалы Международной научной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления». Екатеринбург, Россия, 23-25 апреля 2020. – С. 239-256.

Бекасова Е.Н. О коммуникативных стратегиях Ивана Грозного в послании в Кирилло-Белозерский монастырь // Уральский филологический вестник. Вып. 4 // Материалы Всероссийского семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г. / Гл. ред. проф. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2015. – С. 5-18.

Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. – М., 2017.

Виноградова Л.Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. – М., 2005. С.425-440.

Герасименко Н. А Хронотоп нереального в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 15-18.

Гридина Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиаскурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. 2014. №2(48). – С.34-38.

Гридина Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. №4. – С.11-24.

Гридина Т. А. Намеренно ложная мотивация в разговорной речи (функционально-стилистический аспект) // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Сборник научных трудов. – Екатеринбург, 1989. – С.48-54.

Забьлин М. Русский нар. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880.

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Диссертация на соискание уч. степени д-ра филол. наук. Московский государственный областной университет. Екатеринбург, 2007.

Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний повѣрий, обычаев и пословиц русскаго народа. – Издание книгопродавца М.В.Клюкина. – М., Моховая, дом Бенкендорфъ, 1901.

Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н.И.Толстого. – Т.1: А-Г; Т.5: С-Я. – М., 1995-2012.

Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. – М., 2015.

Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996.

Трипольская Т. А. Донос как сквозной речевой жанр в коммуникативном поле романа В.Гроссмана «Жизнь и Судьба» // Языковая личность: аспекты изучения. Сб. научных статей памяти члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / Под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 308-321.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /Отв.ред.Н.Ю.Шведова. – М., 2007.

Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. №4. –С. 18-21.

Шаповалова Т. Е. Семантика временной неопределенности в строе простого предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 76-79.

Шкуран О.В. Сакральность языка: междисциплинарный аспект // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры. Сборник научных трудов по итогам 4-й Международной

научной конференции по когнитивной фразеологии. – Белгород, 2019. – С. 179-184.

REFERENCES

Bekasova E.N. Kreativnost' na grani sakral'nogo i profannogo v drevnerusskom tekste // Ural'skij filologicheskij vestnik – Ekaterinburg, 2020. – №. 2. Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa». Vyp. 29: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Lingvistika kreativa: tendencii i perspektivy razvitiya novogo nauchnogo napravleniya». Ekaterinburg, Rossiya, 23-25 aprelya 2020. – S. 239-256.

Bekasova E.N. O kommunikativnyh strategiyah Ivana Groznogo v poslanii v Kirillo-Belozerskij monastyr' // Ural'skij filologicheskij vestnik. Vyp. 4 // Materialy Vserossijskogo seminar s Mezhdunarodnym uchastiem «Psiholingvistika v obrazovanii i aspekty izucheniya lingvokreativnyh sposobnostej» 27 noyabrya 2015 g. / Gl. red. prof. T.A. Gridina. – Ekaterinburg, 2015. – S. 5-18.

Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem. – M., 2017.

Vinogradova L.N. Formuly ugroz i proklyatij v slavyanskikh zagovorah // Zagovornyj tekst. Genezis i struktura. – M., 2005. S.425-440.

Gerasimenko N. A Hronotop nereal'nogo v hudozhestvennom tekste // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013. № 6. S. 15-18.

Gridina T. A. Prikoly «Russkogo radio»: novye zhanry mediadiskursa v svete tradicionnoj smekhovoju kul'tury // Politicheskaya lingvistika. 2014. №2(48). – S.34-38.

Gridina T. A. Psihologicheskaya real'nost' znacheniya i associativnaya strategiya yazykovoju igry // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2006. №4. – S.11-24.

Gridina T. A. Namerenno lozhnaya motivaciya v razgovornoju rechi (funkcional'no-stilisticheskij aspekt) // Slovo v sistemnyh otnosheniyah na raznyh urovnjah yazyka. Sbornik nauchnyh trudov. – Ekaterinburg, 1989. – S.48-54.

Zabylin M. Russkij naro. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya. – M., 1880.

Konovalova N.I. Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen. Dissertaciya na soiskanie uch. stepeni d-ra filol. nauk. Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. Ekaterinburg, 2007.

Korinfskij A. A. Narodnaya Rus'. Kruglyj god skazanii povhrij, obychaev" i poslovic" russkago naroda. – Izdanie knigoprodavca M.V.Klyukina. – М., Mohovaya, dom Benkendorf", 1901.

Losev A. F. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. М., 1991.

Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' v 5-ti tomah / pod red. N.I.Tolstogo. – T.1: A-G; T.5: S-Ya. – М., 1995-2012.

Tolstaya S. M. Obraz mira v tekste i rituale. – М., 2015.

Toren M.D. Russkaya narodnaya medicina i psihoterapiya. –SPb., 1996

Tripol'skaya T. A. Donos kak skvoznoj rechevoj zhanr v kommunikativnom pole romana V.Grossmana «Zhizn' i Sud'ba» // Yazykovaya lichnost': aspekty izučeniya. Sb. nauchnyh statej pamyati chlena-korrespondenta RAN Yu. N. Karaulova / Pod red. I. V. Ruzhickogo i E. V. Potyomkinov. – М.: MAKS Press, 2017. – S. 308-321.

TSRYa – Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vključenijem svedenij o proiskhozhdenii slov /Otv.red.N.Yu.Shvedova. – М., 2007.

Shapovalova T.E. Ot vremennoj obobshčyonnosti k vnevremennosti // Vestnik Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013. №4. –S. 18-21.

Shapovalova T. E. Semantika vremennoj neopredelennosti v stroe prostogo predloženiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2006. № 1. S. 76-79.

Shkuran O.V. Sakral'nost' yazyka: mezhdisciplinarnyj aspekt // Frazeologiya v yazykovoj kartine mira: kognitivno-pragmatičeskie registry. Sbornik nauchnyh trudov po itogam 4-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po kognitivnoj frazeologii. – Belgorod, 2019. – S. 179-184.

©Коновалова Н.И., 2020

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: sakralist@mail.ru

Konvalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).